

УДК 81`42

DOI 10.52575/2712-7451-2021-40-4-545-553

Лингвопрагматические компоненты текстов народно-поэтического дискурса (на материале текстов народных заговоров)

Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: chumak@bsu.edu.ru, Savvina_S@bsu.edu.ru

Аннотация. Проблемы лингвопрагматического анализа фольклорного текста имеют большое значение для современного языкознания. Жанр народного заговора, несмотря на многочисленные исследования в области филологии, является наименее изученным с данной точки зрения. Целью данного исследования является изучение таких лингвопрагматических компонентов народно-поэтического текста, как интенция и оппозиция «адресант – адресат». Дискурс-анализ материала текстов народных заговоров позволил проследить за особенностями изменения интенции на уровне жанра и тематических блоков заклинаний, а также установить соотношение макро- и микроинтенции с заговорными формулами разного вида. В результате установлено, что интенция раскрывается в народно-поэтическом тексте как градация взаимодействующих компонентов речевого акта. Выявлено, что функции адресанта и адресата заговорной формулы обусловлены иллокуцией. Полученные результаты вносят вклад в развитие функциональной лингвистики.

Ключевые слова: лингвопрагматика, народный заговор, адресант, адресат, интенция, иллокуция

Для цитирования: Чумак-Жунь И.И., Ковалева С.В. 2021. Лингвопрагматические компоненты текстов народно-поэтического дискурса (на материале текстов народных заговоров). Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 545–553. DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-4-545-553

Linguopragmatic Components of the Texts of Folk-poetic Discourse (Based on the Texts of Folk Spells)

Irina I. Chumak-Jun, Svetlana V. Kovaleva

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: chumak@bsu.edu.ru, Savvina_S@bsu.edu.ru

Abstract. The problems of linguistic and pragmatic analysis of folklore texts are of great importance for modern linguistics, in particular, the genre of folk spell, despite numerous studies in the field of philology, is the least studied from this point of view. The purpose of this study is to study such linguopragmatic components of a folk poetic text as intention and opposition "the sender – the addressee". In the discursive analysis of texts, the attention of researchers is focused on such components of linguopragmatics as the sender-addressee and intention. As a result, the following was revealed. The sender of the spell formula is presented explicitly and implicitly. The addressee of the message can be a person, phenomena and objects of reality. The functioning of the sender-addressee opposition is conditioned by illocution. The intention of the spell is transformed in genres and thematic blocks, and also manifests itself in the folk poetic text as a gradational interaction of the components of the speech act. It has been established that different spell texts correlate with macro- and microintension from more to less. The form of the spell text correlates with the monologue due to the fact that the sender does not

care about the emotional and informational response, the result in the form of the realization of the intention is in the first place. The language structure of the genre creates special conditions for this. The results obtained contribute to the development of functional linguistics.

Keywords: linguopragmatics, folk spell, the sender, the addressee, intention, illocution

For citation: Chumak-Jun I.I., Kovaleva S.V. 2021. Linguopragmatic Components of the Texts of Folk-poetic Discourse (Based on the Texts of Folk Spells). Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 545–553 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2021-40-4-545-553

Введение

В начале XXI века с выходом языковедческой методологии на позиции лингвистического антропоцентризма заметно активизировались исследования в области функционально-прагматической интерпретации речевых явлений. Функциональная лингвистика оказалась тем научным направлением, которое уделяет первостепенное внимание преломлению в практике речевого употребления языковых корпускул как единиц дискурса их основного демиурга – языковой личности Homo Verbalis, говорящего, реализующего свои определенные коммуникативные установки в акте речи благодаря актуализации его составляющих – адресанта, адресата и блока закодированной в языке информации.

Функционирование языковых знаков в речи является прерогативой специальной области языкознания – лингвистической прагматики, или прагмалингвистики. Прагматическое языкознание – «направление, исследующее круг проблем, нацеленных на изучение:

1) интенций и намерений говорящего или пишущего;

2) прагматики текста;

3) прагматикона – высшего уровня развития языковой личности, по Караулову».

[Жеребило, 2010, с. 273].

Объектом анализа функциональной прагмалингвистики выступает целенаправленная и мотивированная речевая деятельность решающей коммуникативные задачи говорящей личности в определенной ситуации [Матвеева, 2009, с. 50]. Коммуникация при этом понимается нами как триединство общения, сообщения и воздействия (В.В. Виноградов). По авторитетному мнению Г.Г. Матвеевой, основным критерием, позволяющим оценить данную речевую деятельность, выступает «удачность выбора отправителем текста языковых единиц для оптимального воздействия. Выбор нужной для адресанта единицы речи определяется ситуацией общения, целями и мотивами, которые являются экстралингвистическими факторами обоснования авторских намерений» [Матвеева, 1993, с. 65].

Базовым понятием лингвопрагматики выступает речевой акт как «целенаправленное коммуникативное действие, совершаемое согласно правилам языкового поведения [Энциклопедия эпистемологии, 2009, с. 830].

Являясь направлением аналитической философии, созданным в 40-е гг. XX века представителем Оксфордской лингвистической школы аналитиком Дж. Остином, теория речевых актов направлена на практическое обучение речевым действиям по достижению определенных коммуникативных целей. Она учит тому, как действовать при помощи слов [Остин, 1999]. При этом минимальной единицей коммуникации признается отнюдь не предложение или высказывание, но «осуществление определенного вида актов, таких как констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т. д.» [Серль, 1987, с. 54].

Речевые акты совершаются в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе. Как единицы нормативного социоречевого поведения они рассматриваются в рамках прагматической ситуации, обнаруживая при этом намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность [Языкознание. Большой..., 1998. с. 412]. По мнению Остина, первостепенным в изучении речевых

актов является определение взаимоотношений перформативных и констативных высказываний. Подразумевается, что перформатив эквивалентен действию. Другая проблема, стоявшая в центре внимания, – сама возможность познания «чужих сознаний» и их отражение в языке [Остин, 1999, с. 15]. Главным новшеством Остина в этой схеме является понятие *иллокуции*, т.к. локуцией всегда занималась семантика, а перлокуция была объектом изучения риторики [Остин, 1999, с. 16]. Таким образом, иллокуция – это речевой акт, соответствующий действию, обусловленному экстралингвистической целью сказанного.

Последователи идей Дж. Остина в аспекте иллокуции стали рассматривать *интенцию* – намерение говорящего. Согласно Д.В. Колесовой, стилевые и жанровые языковые особенности текста обусловлены интенцией адресанта: «Интенция тесно связана с ситуацией общения, которая задает образцы поведения и характер взаимодействия людей. По отношению к тексту как коммуникативной единице <...> цель можно определить как предназначенность речевого произведения для решения задач общения в определенной социальной сфере. Именно целевые установки определяют стилевые и жанровые особенности текстов. В этом случае можно говорить о макроинтенциях. Внутренние же коммуникативные программы текста задаются микроинтенциями. В разных типах текста они конкретизируются, выполняя разнообразные функции и находя специфические формы языкового выражения» [Колесова, 2009, с. 29].

Теория речевых актов как раз и получила свое логическое продолжение и развитие в лингвопрагматике, которая не ограничивается описанием взаимодействия говорящего (адресанта), адресата, кода, ситуации, сообщения. По мнению Б.Ю. Нормана, лингвистическая прагматика – это направление, которое «аккумулировало в себе результаты исследований риторики, стилистики, социо- и психолингвистики, других лингвистических дисциплин» [Норман, 2009, с. 5]. Исследования последних лет направлены на изучение прагматики рекламного и цифрового текста [Ахренова, 2018; Малюга, Попова, 2018; Сластен, 2018; Саяхова, 2020; Шугаева, Сеницына, 2021], художественного и фольклорного текстов [Белова, 2017; Березович, Сурикова, 2021], а также на определение роли лингвопрагматики в лингвистической науке в целом [Чернышева, 2016; Сенина, 2017; Которова, 2019]. Главное же заключается в том, что благодаря лингвопрагматике понятие речевого акта расширилось за счет внимания к интенции, а также – к экстралингвистическим факторам, связанным с адресантом и адресатом, и модальности высказывания.

Цель исследования – изучение таких лингвопрагматических компонентов народно-поэтического текста, как интенция и оппозиция «адресант – адресат».

Проведение данного исследования с позиций лингвопрагматики осуществляется при помощи использования следующих методов: лингвопрагматический, компонентный, контекстуальный, коммуникативно-функциональный.

Интенция текстов народных заговоров в аспекте устного народного творчества

Рассмотрим теперь вопрос о том, какова интенционная специфика коллективного анонимного автора текстов народных заговоров, которые представляют особый жанр устного народного творчества (УНТ), закрепляющий специфический речевой акт.

Напомним, что целью лингвопрагматического подхода к анализируемому материалу является «анализ явных и скрытых целей высказывания, внутренней установки говорящего и готовности слушающего "пойти навстречу" в достижении искомого смысла; изучение типов коммуникативного поведения: речевой стратегии и тактики, правил диалога, направленных на достижение эффективности общения, использование так называемых "непрямых" речевых актов и разнообразных приемов языковой игры» [Норман, 2009, с. 8].

С прагматической точки зрения любой речевой акт рассматривается как процесс передачи информации от говорящего к слушающему, и при этом все элементы речевой

конструкции, включая синтаксис, пунктуацию и лексику, «сонастраиваются» с определенной интенцией. Применительно к языку народно-поэтического текста именно прагматический аспект речевой деятельности становится важнее семантического и синтаксического, поскольку адресанту необходимо средствами языка передать не столько смысловое наполнение, сколько собственное отношение, посредством которого осуществляется воздействие на слушающего.

Общая прагматика устно-поэтического творчества заключается в желании говорящего воздействовать на сознание принимающего, а то, каким образом реализуется намерение, можно увидеть в текстах различных жанров УНТ. Специфика иллокуции дифференцирует жанры УНТ в соответствии с целью высказывания (например, сказка носит воспитательный характер, колыбельная необходима для успокаивания и засыпания, а народный заговор служит механизмом прямого воздействия на объект). Жанры соотносятся с понятием макроинтенции, поскольку внутри отдельных жанров выделяются тематические блоки – микроинтенции (например, сказки – волшебные, бытовые, о животных; заговоры – личные отношения, быт, здоровье).

Следует отметить, что интенционная направленность жанров может быть представлена сразу несколькими намерениями, однако одно из них проявлено сильнее. Так, колыбельная носит явно успокаивающий характер, но в то же время может обладать воспитательной, поучительной функцией. Или, например, сказочный жанр выражает одновременно развлекательную, воспитательную и успокаивающую интенции.

Представим соотношение фольклорных компонентов и элементов лингвопрагматики в виде таблицы с примерами (см. таблицу):

Соотношение фольклорных компонентов и элементов лингвопрагматики
 The ratio of folklore components and elements of linguopragmatics

Прагматика скрытого влияния на адресата	УНТ
Макроинтенции: – развлечение; – поучение; – усыпление; – прямое воздействие	Жанры, соответствующие макроинтенции: – сказка, частушка; – сказка, пословица, поговорка; – колыбельная, сказка; – заговор
Микроинтенции: – нравоучение, переданное при помощи волшебного помощника или предмета, через поступки животных или в быт; – воздействие на сознание и эмоции человека, здоровье и объекты повседневной жизни	Тематические группы внутри жанров: – волшебные, бытовые сказки и сказки о животных; – любовные, лечебные и бытовые тексты народных заговоров

В текстах народных заговоров наиболее очевидно представлен действенный компонент речевого акта. Заговорный текст, с одной стороны, эксплицитно выражает иллокуцию и подробно описывает цель ритуала, а с другой стороны, заговор – это процесс «заклинания» как элемента ритуального действия.

Рассмотрим интенционную направленность заговорного ритуала на примере текста «Когда сваха идет на сватовство» из печатного сборника собирателя народных заговоров Л. Майкова «Великорусские заклинания»:

«Входя на крыльцо дома невесты, сваха ступает на первую ступень правой ногою и притом говорит:

Как нога моя стоит твёрдо и крепко, так слово мое будет твердо и лепко, тверже камня, лепче клею и серы сосновой, острее булатного ножа; что задумано да исполнится.

Потом сваха шагает правою же ногою через порог, а войдя в комнату и помолясь Богу, садится под матицей на лавку, которая по длине пола, и приступает к переговорам» [Майков, 1869, с. 26].

Макроинтенция текста – прямое воздействие на адресата (невесту). Микроинтенция – сфера применения заговорной формулы, реализуемая в конкретном событии народного быта – сватовстве.

Другой пример из собрания Майкова – «Заговор от зубной боли»:

«Наговорить на воду и выпить ее:

Четыре сестрицы, Захарий да Макарий, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульянья, сами говорили, чтобы у раба Божия (имя рек) щеки не пухли, щеки не болели веки по веку, от ныне до веку. Тем моим словам ключ и замок; ключ в воду, а замок в гору» [Майков, 1869, с. 35].

В данном тексте само наименование также включает микроинтенцию – воздействие на недуг. Тематический блок выделяется по цели воздействия на заболевание и человеческое тело.

Заглавия заговорных текстов, как правило, всегда лексически выражают либо конечную цель ритуала, либо обстоятельства, при которых следует произносить слова. Иллокутивный акт реализуется посредством эксплицитно проявленных лексем со значением действия, необходимых для осуществления желаемого: *не пухли, не болели; задумано да исполнится*. Синтаксическая конструкция предложений наравне с лексикой служит главной цели ритуала – скорейшему исполнению задуманного. На уровне высказываний это проявляется благодаря использованию однородных членов предложения, а также разделением заговорной конструкции на смысловые части в виде нескольких простых предложений в составе сложного, сложноподчиненных и сложносочиненных предложений в повелительном и условном наклонениях. Компоненты макро- и микроинтенции объясняются жанровой природой заговорного текста и тематическими блоками как разновидностями этого жанра.

Оппозиция «адресант – адресат»

Интенция речевого высказывания подразумевает внимание к личности говорящего и принимающего. Как уже отмечалось ранее, обязательным элементом лингвопрагматики становится не только само высказывание, но и экстралингвистические компоненты, раскрывающие его понимание. В связи с тем, что природа заговорного текста изначально прагматична, следует отдельно рассмотреть понятия адресанта и адресата.

Произнося заговорную формулу, субъект действия нацелен на результат и достигает его благодаря восприятию объектом формулы в неискаженном виде, как данность. Субъектом действия (адресантом), произносящим заклинание, может быть любой человек, нуждающийся в изменении фактической реальности, а также специально обученные «заклинатели». Указание на личность адресанта представлено в текстах имплицитно и эксплицитно. Иногда информация о субъекте возникает в самой заглавии или инструкции к заговору: *Входя на крыльцо дома невесты, сваха ступает на первую ступень правою ногою и притом говорит.*

В некоторых текстах личность произносящего остается нераскрытой, а в некоторых выражается имплицитно, подменяясь мифологическими образами, которые якобы совершают действие: *Четыре сестрицы, Захарий да Макарий, сестра Дарья да Марья, да сестра Ульянья, сами говорили, чтобы у раба Божия (имя рек) щеки не пухли, щеки не болели веки по веку, от ныне до веку.* Под личиной названных образов скрывается сам заго-

варивающий. Вероятно, образы несли какое-то ассоциативное смысловое наполнение, в соответствии с которым заговаривающий наделял себя функциями этих образов.

В речевом пространстве личности адресанта и адресата имеют одинаковые права: «Коммуникативная ось, представленная оппозицией «адресант – адресат», определяет соотношение их реплик как стимула и реакции, по сути своей являющихся равноправными. Это равноправие проявляется в том, что «иницирующая реплика адресанта задает коммуникативную направленность предстоящему общению, а окончательное развертывание ее в конкретном направлении происходит лишь после ответной реплики адресата». Адресат и адресант равноправны в процессе коммуникации и по той причине, что адресат «волен принять или отвергнуть предложенную ему программу, сдаться или оказать сопротивление, согласиться или возразить, пойти на уступку или пойти в наступление, выполнить просьбу или отказаться» [Логинов, 2009, с. 49].

Отличительная черта адресата заговорного текста заключается в том, что им могут быть также объекты неживой природы и явления действительности (зубная боль, сватовство, нож), а не только человек. Кроме того, прагматический характер заклинаний не подразумевает обдумывания и оценки суждений адресатом. Формула имеет устойчивые границы, объект воздействия должен подчиняться и не размышлять о сказанных словах. Они воспринимаются на веру, как абсолютный факт и призыв к действию. Отсюда возникает в тексте заговора и форма повелительного наклонения с приказным компонентом.

Так, жанровый характер народного заклинания диктует условия для исполнения воли говорящего. Следуя коммуникативной установке, адресант нуждается не в утверждении сказанного, а в точном восприятии информации. Кроме того, в роли принимающей стороны могут оказаться абстрактные понятия (такие как любовь, здоровье), природа (дождь, огонь), предметы быта (посуда, орудия), которые зачастую призваны осуществлять желаемое посредством контакта с реальными предметами или человеческим телом, а также при помощи предметной персонификации. В одних любовных текстах возникает тоска как подмена понятия любви, она очеловечивается. В других текстах для описания влюбленности как действия используются ножи, колющие сердце. Личность говорящего в заговорных текстах может быть выражена имплицитно и эксплицитно или не выражена совсем.

Выводы

Таким образом, интенция (намерение), присутствующая в текстах народно-поэтического творчества, обусловлена индивидуальными характеристиками отдельного жанра, а также его видовыми группами. Жанровая и видовая градация УНТ от более широкого представления о тексте к более узкому соответствует компонентам лингвопрагматики: макро- и микроинтенции. Многие тексты УНТ соответствуют сразу нескольким видам интенции. Народный заговор обладает макроинтенцией прямого воздействия, которая подразделяется на микроинтенции в виде частных тематических групп: здоровье, чувства, быт.

Отношения членов оппозиции «адресант – адресат» в коммуникативном акте обычно характеризуются паритетностью, однако этого не скажешь о заговорном тексте. Здесь эксплицирована близкая монологической форма представления сообщения говорящим. Языковая структура текстов народных заговоров создает специфические условия для реализации намерения говорящего. Адресант проявляется пассивно, скрыто, имплицитно (в заглавии или описании ритуала) или не проявляется вовсе. Адресатом воздействия становится человек, объекты живой и неживой природы, предметы. Говорящий не ждет от адресата отклика или согласия, ему необходим результат приказной формулы. Очевидно, что в данном речевом акте процессуально само слово (заклинание и есть действие).

В рамках проведенного исследования в народно-поэтическом дискурсе заговорных текстов обнаружены такие компоненты лингвопрагматики, как иллюкуция и оппозиция

«адресант – адресат». С точки зрения функциональной лингвистики данная работа позволяет рассмотреть заговорный жанр с позиции прагматики и языкового воздействия, а также вносит вклад в изучение текстов фольклора.

Список источников

1. Жеребило Т.В. 2010. Словарь лингвистических терминов. Назрань, ООО «Пилигрим», 486 с.
2. Майков Л. 1869. Великорусские заклинания. СПб., тип. Майкова, 164 с.
3. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. 2009. Под ред. И.Т. Касавина. М., Изд-во «Канон+», 1248 с.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 1998. Под ред. В.Н. Ярцевой. М., Большая Российская энциклопедия, 665 с.

Список литературы

1. Ахренова Н.А. 2018. Лингвопрагматика как основа интернет-лингвистики. Теория и практика иностранного языка в высшей школе, 14: 3–8.
2. Белова А.В. 2017. Лингвопрагматика переписки. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации (на примере переписки Ал.П. Чехова и А.П. Чехова). СПб., LAP LAMBERT, 168 с.
3. Березович Е.Л., Сурикова О.Д. 2021. О лингвопрагматике русских демонических проклятий. ШАГИ-STEPS, 7 (2): 268–287.
4. Виноградов В.В. 1959. О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 654 с.
5. Колесова Д.В. 2009. Интенция как базовая категория текстовой деятельности. Мир русского слова, 3: 28–31.
6. Которова Е.Г. 2019. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 23 (1): 98–115. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115
7. Логинов А.В. 2009. Адресант и адресат в диалогическом пространстве. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2: 49–54.
8. Матвеева Г.Г. 1993. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего. Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 332 с.
9. Малюга Е.Н., Попова К.В. 2018. Лингвопрагматика речевых стратегий в социальной рекламе. Вестник Московского государственного областного университета, 4: 231–241. DOI:10.18384/2224-0209-2018-4-925
10. Норман Б.Ю. 2009. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков). Минск, БГУ, 183 с.
11. Остин Д. 1999. Как совершать действия при помощи слов. В кн.: Остин Д. Избранное. Пер. с англ. Л.Б. Маковой, В.П. Рудневой. М., Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги: 13–135. (Austin J.I. 1962. How to do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. Oxford, Publ. Clarendon Press, 174 p.)
12. Саяхова Д.К. 2020. Лингвопрагматика в сфере цифровой коммуникации. В кн.: Теоретические и практические проблемы развития современной гуманитарной науки. Материалы VI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Уфа, 17 апреля, 2020 г. Т. 2. Под ред. Ф.Г. Фаткуллиной. Уфа, Башкирский государственный университет: 83–86.
13. Серль Дж. 1987. Природа интенциональных состояний. Пер. с англ. А.Л. Никифорова. В кн.: Философия, логика, язык. Под ред. Д.П. Горского и В. В. Петрова. М., Прогресс: 96–126. (Searle J.R. 1979. What is an intentional state? Mind (Nev Series), 88(349): 74–92.)
14. Синина А.И. 2017. Понятия «Прагмалингвистика» и «Лингвопрагматика». Современные научные исследования и разработки, 9 (17): 631–632.
15. Сластен Л.М. 2018. Лингвопрагматика перевода научно-технических текстов. Дневник науки, 11 (23): 7.
16. Чернышева А.Ю. 2016. Лингвопрагматика призыва. Филология и культура, 2 (44): 152–158.

17. Шугаева Е.А., Сеницына И.А. 2021. Лингвопрагматика рекламных текстов (на материале социальной рекламы против курения). Гуманитарные и социальные науки, 2: 169–178. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-85-2-169-178

References

1. Akhrenova N.A. 2018. Lingvopragmatics as the basis for the internet-linguistics. *Teoriya i praktika inostrannogo yazyka v vysshey shkole*, 14: 3–8 (in Russia).
2. Belova A.V. 2017. Lingvopragmatika perepiski. Lingvopragmaticheskaya kharakteristika obratimoi ehpistoynarnoi kommunikatsii (na primere perepiski A.I.P. Chekhova i A.P. Chekhova). [Linguopragmatics of correspondence. Linguopragmatic characteristics of reversible epistolary communication (on the example of correspondence between A.I.P. Chekhov and A.P. Chekhov)]. SPb., Publ. LAP LAMBERT, 168 p.
3. Berezovich E.L., Surikova O.D. 2021. On linguopragmatics of Russian imprecations mentioning evil forces. *SHAGI-STEPS*, 7 (2): 268–287 (in Russia).
4. Vinogradov V.V. 1959. O yazyke khudozhestvennoy literatury [About the language of fiction]. M., Publ. Goslitizdat, 654 p.
5. Kolesova D.V. 2009. Intention as a basic category of textual activity. *Mir russkogo slova*, 3: 28–31 (in Russia).
6. Kotorova E.G. 2019. Pragmatics among linguistic disciplines: problems of definition and classification. *Russian journal of linguistics*, 23 (1): 98–115. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115 (in Russia).
7. Loginov A.V. 2009. Speaker and adrese in a dial ogue. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 2: 49–54 (in Russia).
8. Matveeva G.G. 1993. Skrytye grammaticheskie znacheniya i identifikatsiya sotsial'nogo litsa («portreta») govoryashchego [Hidden grammatical meanings and identification of the social person ("portrait") of the speaker]. Dis. ... doct. philol. sciences. SPb., 332 p.
9. Malyuga E.N., Popova K.V. 2018. Lingvopragmatika rechevykh strategiy v sotsial'noy reklame [Linguopragmatics of speech strategies in social advertising]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 4: 231–241. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-925
10. Norman B.Yu. 2009. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh slavyanskikh yazykov) [Linguistic pragmatics (on the material of Russian and other Slavic languages)]. Minsk, Publ. BGU, 183 p.
11. Ostin D. 1999. Kak sovershat' deystviya pri pomoshchi slov [How to Take Action with Words]. In: Ostin D. *Izbrannoe* [Favorites]. Per. from English L.B. Makeeva, V.P. Rudneva. M., Publ. Ideya-Press, Dom intellektual'noy knigi: 13–135. (Austin J.I. 1962. *How to do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Oxford, Publ. Clarendon Press, 174 p.)
12. Sayakhova D.K. 2020. Lingvopragmatika v sfere tsifrovoy kommunikatsii [Linguopragmatics in the field of digital communication]. In: *Teoreticheskie i prakticheskie problemy razvitiya sovremennoy gumanitarnoy nauki* [Theoretical and practical problems of the development of modern humanitarian science]. Materials of the VI International Scientific and Practical Conference of Students, Undergraduates, postgraduates and Young Scientists, Ufa, April 17, 2020. Vol. 2. Ed. F.G. Fatkullinova. Ufa, Publ. Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet: 83–86.
13. Ser' Dzh. 1987. Priroda intentsional'nykh sostoyaniy [The nature of intentional states]. Per. from English A. L. Nikiforova. In: *Filosofiya, logika, yazyk* [Philosophy, logic, language]. Ed. D.P. Gorsky and V.V. Petrov. M., Publ. Progress: 96–126.
14. Sinina A.I. 2017. Ponyatiya «Pragmalingvistika» i «Lingvopragmatika» [The concepts of "Pragmalinguistics" and "Linguopragmatics"]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, 9 (17): 631–632.
15. Slasten L.M. 2018. Linguopragmatics of scientific-technical texts translation. *Dnevnik nauki*, 11 (23): 7.
16. Chernysheva A.Yu. 2016. Linguopragmatics of the appeal. *Philology and Culture*, 2 (44): 152–158 (in Russia).

17. Shugaeva E.A., Sinitsyna I.A. 2021. Linguo-pragmatics of advertising texts (based on the material of social advertising against smoking). *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2: 169–178. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-85-2-169-178 (in Russia).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Ковалева Светлана Викторовна, аспирант, ассистент кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Chumak-Zhun, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Svetlana V. Kovaleva, Postgraduate Student, Assistant of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia